

Дорога к Орвалу

Степан стоял у машины и когда увидел меня, поднял руку, словно робот. Поезд опоздал, встречающим его долго пришлось ждать, давясь тяжёлой вокзальной пылью.

- Где Орвал? – спросил я небрежно, догадываясь о чём-то, но не решаясь спросить.
- Мы сейчас поедem к нему?

Степан кивнул: он был немногословным, как и прежде, но что-то изменилось в нём. Может, городская пыль оставила на его лице отпечаток, а может, он просто знал ответ на мой незаданный вопрос и не сообразил ещё, что ответить. Я влез в его жигулёнок, бесцветный грязный, похожий на городского воробья в луже. Степан курил и морщился, он видел, что надвигается буря и нам не успеть. Мне было всё равно, потому что Орвал здесь и ждёт нас. Степан неожиданно закашлялся, обжёг себе пальцы и сел рядом, не застёгивая ремень безопасности. Наверное, здесь никому нет дела до того, пристёгнут ты или нет. Мы поехали, оставив позади серое здание вокзала. «Вот и ещё кого-то увезли», с глупой горечью в душе подумал я, попытался вспомнить о чём-то и не смог. Видно это противная пыль добралась и до моей памяти.

Огород спускался в овраг, где жило привидение, воровавшее картошку. Орвал пытался поймать его и прятался то в кленовых зарослях, то в разваливающемся сарае, но мальчугана постоянно находила мать и уводила домой. Дома было душно, и большие ленивые мухи кружились возле зелёной лампы, хотели улететь и не могли. Верно, уже были слишком тяжелы для дальних перелётов. Орвал уходил в свой угол, где в самые светлые дни было темно, и садился на постель, сделанную из одеял. Делать было нечего. Единственный друг Антипка исчез: родители говорили, что он переехал со своей мамой жить в город, но что такое «город» было непонятно, потому Орвал просто думал, что Антипка *исчез*. Так было легче.

Сложней оказывалось выйти за *грань*. Она обозначивалась старым деревянным забором с вечно запертой калиткой, за которой должно быть что-то интересное, не зря ведь она заперта. «Мне ведь четыре года?» - спрашивал он у мамы. «Конечно», - отвечала она. «Так я могу выйти один за калитку?» «Нет, - отвечала мама, - ты ещё недостаточно взрослый, чтобы идти туда». «Хорошо, - соглашался Орвал, - я готов подождать ещё один год».

И пролетали года, как кварталы за окнами машины. Я никогда не видел больших домов, они мне казались выдумкой, словно царские дворцы, о которых давно-давно я читал в сказках. Но дворцы были светлыми, полными золота и серебра, а эти дома глядели на меня серыми безмолвными окнами, ничего не обещая *внутри*, кроме грязи, убогости и нищеты. Я не знал, кто там живёт, мне хотелось постучать и самому спросить «кто?», но я боялся, что мне не ответят. Это молчание в домах было страшнее той брани, которую я мог услышать в свой адрес. «Они носят котомки домов на своих плечах, - думал я о горожанах, - они остались странниками в каменных пустынях одиночества». Наверное, Степан понял, о чём я думаю, потому что кивнул головой в знак согласия и прибавил скорость. Теперь я не успевал разглядеть каждую трещинку, каждый шрам многоэтажных гигантов, оттого они стали ещё скучнее.

Дорога была перекрыта, и мы поехали в объезд по разбитым переулкам, засыпанным мусором. Несколько пивных банок угодило под колёса, Степан прошептал что-то бранное и сбавил скорость. Мне тоже не хотелось врезаться в какой-нибудь *бывший* фонарный столб, и я был рад, что мы поехали тише.

Вдруг Степан выругался ещё раз, теперь уже вслух, и мы остановились.

Посреди дороги лежала собака. Она глядела на нас бесцветными безжизненными глазами, не желая умирать, но видно понимая, что подняться уже не сможет. Всё же она шевельнулась, собрав последние силы, словно пытаясь перед нами извиниться за то, что

лежит тут, на дороге. Я похолодел и вцепился руками в кресло. Собака старалась пролаять что-то, не умея плакать, она хотела очистить свою собачью душу. Но тут же дрожь пробежала по всему её телу, и собака захрипела, расплачиваясь за свой последний благородный порыв.

- Проедем... через неё, - неуверенно проговорил Степан, больше самому себе, чем мне, - посмотри, ей уже всё равно. Ей... ей не будет больно.

Я смотрел и не видел ничего, кроме горы трупов перед одним из взорванных домов, которые были *тогда*. Я не помню, какую вспоминал войну, их было так много на моём веку, что все они потеряли названия, сливаясь в моём сознании в одну бесформенно-уродливую массу.

- Я не хочу, чтобы она запомнила нас *такими*, - пробормотал я, сам не слыша своего голоса, будто он существовал отдельно от меня. – Поехали... в объезд.

Орвал любил зажмурясь, глядеть на солнце и ощущать, как приятная теплота пробивается сквозь ресницы. Он выходил за ограду и глядел как изредка по дороге, отделяя пыль от земли, пронеслись автомобили. Потом пыль долго не находила покоя, кружась в воздухе, забивалась в нос, попадала в рот. Орвал пробовал её есть, но она оказалась невкусной и хрустела на зубах. Возможно, только дорожная пыль была такой противной, другую он не пробовал. Орвал думал, что это две спицы ткут эту дорогу, узкую и прямую. Мать говорила, что она ведёт ещё в деревню, но побольше, а уже из той деревни есть дорога напрямик в город. В городе Орвал никогда не был, но знал, что там продают сладкие леденцы на палочке, которые куда вкуснее дорожной пыли.

В соседнем доме жили беженцы, и Орвал их боялся. Он представлял их бегущими по дороге, и ему становилось не по себе от того, что они глотают *его* пыль. Одного из них Орвал запомнил, тот приходил к маме за солью. Был он в длинном халате с бородкой на бледном лице. Он читал книги, которых в деревушке не было, и говорил что-то до безумия непонятное, но вместе с тем интересное и новое. Орвал понимал, что узнать это можно в городе, куда ведёт дорога, и где продаются леденцы. «Мне уже пять лет?» - спрашивал он маму. Мама долго нутужно кашляла и кивала. «Значит, я уже взрослый?» «Взрослый», - соглашалась мама. «Так я могу пойти по этой дороге?» «Нет, - отвечала мама, - ты ещё недостаточно взрослый, чтобы шагать по ней». «Хорошо, - соглашался он, - я готов подождать ещё один год. Но только один, ладно?»

На углу у телевышки нас остановил полицейский, вчерашний милиционер, только-только сменивший форму. На плечах его красовались новёхонькие чёрные кресты.

- Почему в городе так тихо? – решил спросить его я и тут же пожалел о своём решении.

- Все люди на площади, - бодро отозвался он, - приезжие, что ли? Вот потеха там, с ума можно сойти! Вы туда едете?

- Нет, - ответил я резко. - Мы едем к Орвалу.

Полицейский захлопнул рот, и глаза его стали стальными. Ещё мгновение – и он оштрафовал бы нас, но Степан нажал на газ и мы понеслись.

Я заметил, что мы возвращаемся к вокзалу, во всяком случае, я начал узнавать дома и переулки. Степан объяснил мне, что у нас кончилось горючее, и мы заедем на заправку. Я пожал плечами, хотя мне, конечно, не терпелось встретиться с Орвалом.

Возле заправки работал телефон, мне он показался свернувшейся в кольцо змеёй. Я хотел позвонить, чтобы рассказать обо всём, но не было карточки для звонка. Всё же встал, понадеявшись на то, что в такой глуши автомат будет принимать в свою пасть монеты, но чуда не случилось. Я не услышал гудков из змеиной пасти и забросил трубку на рычаг. Конечно, Орвал оставлял нам знаки, но я разучился их разбирать. А между тем солнце иссякло и стало так темно, словно в один миг пришла ночь. Тонкие и бессильные деревья, вобравшие в себя городскую пыль, словно струны напряглись от ветра.

- А что там творится на площади? – осторожно спросил я, боясь того, что *об этом* нельзя говорить вслух.

- Трое преступников будут распяты на крестах, - бросил Степан нехотя. Каждые выходные такая ерунда. В прошлое воскресенье день города праздновали, так всю площадь пивными банками закидали.

- А Орвал? – испугался я, - И он был на площади?

Степан ничего не ответил, а лишь неопределённо закивал головой, он словно боялся произнести ту фразу, которая стала бы для него роковой. Я не стал больше ничего спрашивать и полез в машину: дождь уже частил по улицам, и мне не улыбалась перспектива промокнуть.

Орвал не боялся дождя, он был в маминой куртке, а в ней вчерашние страхи казались нелепыми. Люди глядели на него с потускневших фотографий с молчаливым укором. Орвал подошёл к свежей могиле, взял в ладонь горсть земли, пока она ещё не стала грязью. «Мне ведь тринадцать, мама?» Никто не ответил ему, даже дождь затих на мгновение. «Значит, я уже взрослый?» «Взрослый», - вдруг услышал он голос позади. Бородатый беженец подошёл и сказал «Пойдём». Орвал не взглянул на него и пошёл неведомо куда, не зная, где остановится, и что будет потом, когда кончится этот дождь.

Степан остановился у первых трёх крестов. Дальше дороги не было, и лишь незаметная тропинка текла среди могил, находя вдалеке заброшенный домишко. Наверное, Орвал живёт там. Он никогда не любил роскошных дворцов и радостных многоэтажек. Я их тоже не люблю, потому и приехал сюда из своей сказки. Степан остановился у кладбища, а я пошёл вперёд к этой халупе. Дождь ещё не кончился, скорее всего, он ещё и не начинался.